

Неизвестные фотографии солдат Вермахта
с захваченной территории СССР
и советско-германского фронта

ВОЙНА И ОККУПАЦИЯ 1941-1945

Георгий Шепелев

Георгий Шепелев

ВОЙНА И ОККУПАЦИЯ

Неизвестные фотографии солдат Вермахта
с захваченной территории СССР
и советско-германского фронта

ЯУА
МОСКВА
2021

УДК 321.01
ББК 66.0
Ш48

В издании воспроизведены материалы фонда военных фотографий,
собранного Г. А. Шепелевым

Рецензенты:

Ковалев Борис Николаевич, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный
сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Шнеер Арон Ильич, PhD (Израиль)

Пахалюк Константин Александрович, канд. полит. наук,
главный специалист — куратор научно-просветительских проектов
Российского военно-исторического общества

Шепелев, Георгий Анатольевич

Ш48 **Война и оккупация. Неизвестные фотографии солдат Вермахта с захваченной территории СССР и Советско-германского фронта. 1941–1945 гг. / Георгий Шепелев. — Москва : Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуза-каталог, 2021. — 176 с. : ил.**

ISBN 978-5-00155-285-7

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Любительская фотография занимала важное место в искусстве Третьего рейха. Идеологи нацистского режима неоднократно подчеркивали роль «народных фотографов» в создании его летописи. К началу Второй мировой войны количество компактных фотоаппаратов в нацистской Германии достигло 7 млн, и многие из них заняли свое место в ранцах солдат Вермахта. Запреты на фотографирование касались только массовых казней и сюжетов, которые могли быть использованы пропагандой противника, но и они не всегда соблюдались строго (даже служащими лагерей смерти). В результате в 1941–1945 гг. миллионы фотографий были сделаны на Восточном фронте солдатами и офицерами Вермахта.

Вы держите в руках альбом неизвестных фотографий с полей сражений Великой Отечественной войны и оккупированной территории Советского Союза. В его основе лежит уникальная коллекция снимков, собранная историком Георгием Шепелевым. Подробные научные комментарии раскрывают фотографии как исторический источник и выявляют не всегда очевидные идеологические подтексты и послания. Отобранные снимки посвящены широкому кругу сюжетов: от истребительной политики оккупантов до повседневной жизни Вермахта, разрушенных городов, сгоревших деревень, еврейских гетто и лагерей военнопленных.

Книга издана Российским военно-историческим обществом.

УДК 321.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-00155-285-7

© Шепелев Г.А., 2021
© Российское военно-историческое общество, 2021
© ООО «Яуза-каталог», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ СОЛДАТАМИ И ОФИЦЕРАМИ ВЕРМАХТА	3
1. ВТОРЖЕНИЕ. ПОБЕДЫ ВЕРМАХТА	20
2. ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ	40
2.1. Солдатские фотографии и клише нацистской пропаганды	40
2.2. Советские военнопленные	46
2.3. Холокост	66
2.4. «Охота на партизан» и уничтожение деревень	73
3. ВОЙНА КАК ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРАЗДНИК	84
4. ОККУПАНТЫ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	91
5. ПРОВАЛ «БЛИЦКРИГА». ПОРАЖЕНИЯ ВЕРМАХТА	124
6. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	143
7. НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА	156
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	179
ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	182
ПРЕДЫДУЩИЕ ПУБЛИКАЦИИ ФОТОГРАФИЙ	187
ОБ АВТОРЕ	188

В последние десятилетия на постсоветском пространстве исторические исследования и общественная память о Второй мировой войне переживают период серьезных изменений и дискуссий. Этому способствуют многочисленные социальные, культурные, внутри- и внешнеполитические сдвиги — уход поколения участников войны; новые геополитические конфликты, активизирующие тему исторической памяти о войне (Балтия, Украина, Польша...); рост мемориальных и поисковых движений и проектов (в первую очередь следует отметить движение «Бессмертный полк», приобретшее массовый характер в России и на постсоветском пространстве и распространившееся и в десятках других стран)¹; открытие архивных фондов; снятие цензуры на многие болезненные темы; расширение диалога между историками разных стран; распространение новых историографических течений, включая те, которые кардинально пересматривают события войны и оккупации; массовые публикации воспоминаний о войне, в том числе и сторонников Третьего рейха, сделанные зачастую без каких-либо комментариев историков; расцвет публицистической литературы, строящей свою популярность на опровержении или защите «мифов» о войне; популяризация памяти о ней через соцсети, реконструкторские и поисковые клубы, военное коллекционирование, компьютерные игры... События войны и споры вокруг их интерпретации регулярно присутствуют в медийном пространстве, вовлекаются в политические конфликты. За всплеском дискуссий и публикаций можно увидеть общественный запрос на более глубокое изучение многих тем.

К их числу принадлежит происходившее по «ту сторону» фронта, на занятой Третьим рейхом и его союзниками территории СССР, — судьба и жизнь гражданского населения, советских военнопленных, Холокост, партизанское движение, коллаборационизм, военные действия Вермахта и его союзников.

Общей тенденцией развития исторических исследований и общественных дискуссий о Второй мировой войне становится все большее внимание к опыту «маленьких людей», рядовых участников и свидетелей войны и оккупации, их воспоминаниям, дневникам, письмам. Расширяются поиск и использование визуальных исторических источников. Передача исторической памяти в современном обществе в огромной мере основана на образах, а статус устного свидетельства в глазах как некоторых историков, так и читателей, нередко уступает по достоверности фото- или кинодокументу. При том что визуальные, письменные, археологические и другие источники могут и должны дополнять друг друга в историческом исследовании, сами очевидцы событий говорят об особой роли визуальных свидетельств о войне и оккупации. Пережитое ими настолько радикально отличается от

¹ <https://www.moypolk.ru>

опыта современных людей, что они ощущают пределы возможности слушателей представить происходившие тогда события. Поэтому фразы типа: «это невозможно описать», «если б вы видели эти жуткие картины...», «это надо видеть, что творилось...» — регулярно встречаются в их интервью. Собственно, именно эти реплики опрашиваемых мною свидетелей войны в Белоруссии и западных областях России пятнадцать лет назад и положили начало исследовательскому проекту и созданию фонда военных фотографий, некоторые из которых представлены в этой книге.

«Увидеть» то, что происходило на оккупированной территории, опираясь на визуальные документы, — задача непростая. Германская фото- и кинохроника создавалась с пропагандистскими целями и серьезно искажает события войны. Советская фото- и кинолетопись отрывочна в освещении событий за линией фронта: советские документалисты фиксировали то, что обнаруживали при освобождении — следы военных преступлений оккупантов и разрушения. Очень немногим из них, как Сергею Лоскутову или Михаилу Трахману, удалось провести съемки на оккупированной территории в составе партизанских отрядов¹.

Однако существуют многочисленные, но малоизученные фотоисточники, отразившие события на оккупированной территории СССР. Речь идет о любительских снимках, сделанных солдатами и офицерами армий Третьего рейха и его союзников. Они еще достаточно редко входят в круг внимания историков, и причиной тому не столько малодоступность, сколько сложность их использования, как источниковедческая, так и политическая и этическая². Не могу не вспомнить здесь две ремарки коллег. Первая принадлежит французскому историку, заметившему в не столь давнем заочном споре, что частные фотографии солдат Вермахта не представляют исследовательской ценности — они могут выражать исключительно «банальность Зла». Приблизительно в то же время (в 2010 г.) сотрудница московского архива, выразив удивление по поводу предмета моего запроса и проверив согласие на него дирекции, принесла мне коробку с трофейными фотографиями, сделанными солдатами Вермахта. Затем, выдавая мне резиновые перчатки для работы с ними, она многозначительно сказала: «И будьте осторожны, это фашистские фотографии».

Ощущение опасности снимков с «той» стороны объяснимо. Они мало изучены, трудны в интерпретации, потенциально обладают в глазах читателя и зрителя статусом «доказательства», «факта» — и при этом часто действительно несут в себе заряд нацистской идеологии. Их нынешние публикации в массовых изданиях и в Интернете, с тенденциозными, произвольными и даже противоположными комментариями, распространяемые в том числе кругами с ультраправыми симпатиями, тому подтверждение. Тем более важно участие историков в работе с такими материалами и тем важнее публиковать эти снимки вместе с комментариями и научным аппаратом.

В этой вводной статье мы изложим наши наблюдения над частными фотографиями солдат и офицеров Вермахта как историческим источником, представим некоторые методы и подходы в их исследовании, кратко опишем собранный нами фонд фотографий.

¹ Blank, 2002.

² Шепелев, 2020.

Любительская фотография занимала немаловажное место в системе искусств Третьего рейха. Идеологи нацистского режима неоднократно подчеркивали роль «народных фотографов» в создании его летописи. Пропаганда эффективно формировала у них «политически правильный» взгляд на мир через систему клубов и периодических изданий для фотографов-любителей, внедряя образы-модели для подражания, созданные профессиональными фотографами¹. Уже в 1930-х гг. германская индустрия наладила массовый выпуск компактных фотоаппаратов, достаточно простых в использовании. По оценке германского историка Бернда Болля, их количество к началу войны достигло 7 млн². Вторая мировая война должна была стать кульминационной страницей в фотоистории Третьего рейха, поэтому фотоаппарат логично занял свое место в солдатских ранцах Вермахта. Оккупационные власти и военное командование терпимо или благожелательно относились к практике любительской съемки на оккупированной территории. Запреты на фотографирование касались массовых казней и других «опасных» сюжетов (такие снимки могли быть использованы пропагандой противника), но и они не всегда строго соблюдались³. Исследовательница фотографий Холокоста Сибил Милтон обращает внимание на то, что даже в Аушвице (Освенциме) администрация лагеря была вынуждена издавать *повторные* приказы, запрещающие подчиненным фотосъемку на его территории⁴, — настолько практика фотографирования была обычной и нормальной даже для охраны этой «фабрики смерти».

В результате в 1941–1945 гг. миллионы фотографий были сняты на оккупированной территории СССР и на Восточном фронте солдатами и офицерами Вермахта. Следует заметить, что в целом корпус частных снимков Вермахта по своему объему многократно превосходит количество фотографий, сделанных военными армий антигитлеровской коалиции.

Очевидна широкая циркуляция этих снимков как на фронте, так и в тылу: они печатались в фотолабораториях в занятых городах или на фронте, отправлялись в виде негативов или оттисков домой, распространялись среди товарищей, продавались, обменивались на продукты или сигареты (нередко именно «жесткие» сюжеты были наиболее популярными)⁵; попадали они и в руки Сопротивления в Германии и использовались в его агитационной работе⁶. Эти фотографии оказались на советской стороне фронта уже с первых месяцев войны (их находили у пленных или убитых вражеских солдат); в 1945 году такие снимки были обнаружены советскими солдатами и на территории Германии (например, при размещении на постой в брошенных домах⁷); о них многократно писали советские журналисты и публицисты; они использовались в антифашистской пропаганде и передавались союзникам СССР по антигитлеровской коалиции, служили доказательством на процессах против нацистских преступников.

После войны фотографии хранились в архивах и в семьях бывших солдат Вермахта, практически не становясь предметом общественных дискуссий. И в СССР, и на постсоветском

¹ Loewy, 1997.

² Boll, 2003, p. 167.

³ Huppauf, 2006, p. 346; Sachsse, 1997, p. 97.

⁴ Milton, 1999, p. 307.

⁵ Boll, 2003, pp. 167–168; Rossino, 1999, p. 314.

⁶ Boll, 2003, pp. 170–171; Sachsse, 1997, pp. 97–98.

⁷ См., напр.: ГАРФ, Ф. 7021, оп. 128, ед. хр. 255.

пространстве, и на Западе они не были самостоятельным сюжетом исторических исследований и использовались в качестве нечастых и повторяющихся иллюстраций к исследованиям о Второй мировой войне.

Серьезное изучение любительских фотографий солдат и офицеров Вермахта, в том числе сделанных на оккупированной территории СССР, началось в 1990-е гг. Крупным событием, давшим импульс исследованиям на эту тему, стала открывшаяся в 1995 г. выставка гамбургского Института социальных исследований под названием «Преступления Вермахта», где были представлены более 1,4 тыс. свидетельств преступлений Вермахта и его союзников в Восточной Европе, включая большое количество частных фотографий¹.

В достаточно «молодой» **историографии** сюжета прослеживаются следующие направления. В центре внимания многих историков находятся фотосвидетельства о Холокосте. Из публикаций на эту тему следует прежде всего упомянуть важную работу Янины Струк, где она рассматривает и некоторые снимки, сделанные на оккупированной территории СССР². Исследователи любительских фотографий солдат Вермахта стремятся проанализировать «взгляд», ментальность солдата-фотографа, видение им «чужих», врагов (евреев, цыган, славян, коммунистов)³. Ставятся вопросы о языке любительской фотографии в его связи с визуальной пропагандой Третьего рейха и профессиональной фотографией 1930–1940-х гг.⁴; о преемственности между фотографиями военных преступлений Второй мировой войны и снимками, сделанными на оккупированных Германией и ее союзниками территориях во время Первой мировой войны, а также фотографиями публичных казней в западной прессе XIX — начала XX века⁵. Появляются первые исследования и публикации фотоальбомов немецких солдат, сделанных на Восточном фронте⁶. Детального изучения удостоились пока лишь очень немногие, наиболее известные фотографии, как, например, серия о казни минских подпольщиков М. Брускиной, В. Щербацевича и К. Труса 26 октября 1941 г.⁷

Во Франции работу по изучению частных фотографий как источника по истории Холокоста, в том числе на территории СССР, ведет, в частности, антрополог Кароль Леме, автор выставки «Выжить. Геноцид и этноцид в Восточной Европе», прошедшей в Бордо в 2011–2012 гг. Можно упомянуть издание частных и семейных фотографий Германии эпохи Третьего рейха «Гитлер в моем салоне» из коллекции французского иллюстратора Рисса (псевдоним Лорана Суриссо), многие из которых отражают события на оккупированной территории СССР⁸.

В российской историографии следует отметить диссертацию Д. Ю. Хохлова «Фотодокументы личного происхождения по истории Второй мировой войны как объект архивоведческого исследования» (2007), основанную на изучении уникального комплекса фотографий и дневниковых записей лейтенанта Вермахта Герхарда Марквардта, на судебном

¹ Heer, 1999; Majerus, 2001; Hamburger Institut, 2002; Heer, 2005.

² Struk, 2004.

³ Huppaufl, 2006; Rossino, 1999; Bopp, 2003.

⁴ Sachsse, 1997; Loewy, 1997; Bopp, 2009.

⁵ Hölzer, 2008.

⁶ Bopp, 2009; Eller, 2004.

⁷ Tec, Weiss, 1999; Басин, 2007.

⁸ Riss, 2009.

процессе в 1952 г.¹ послуживших доказательством его участия в военных преступлениях. Различные аспекты частных военных фотографий были затронуты и автором представляемой вашему вниманию книги (они были рассмотрены как источник по нацистской истребительной политике; сопоставлялись с воспоминаниями военнослужащих Вермахта и местных жителей; анализировались их «туристические» сюжеты и отклонения солдат-фотографов от канонов пропагандистской фотографии и т. д.)².

Необходимо сказать **о сложном состоянии** комплекса любительских фотографий солдат Вермахта, сделанных на оккупированной территории СССР и на Восточном фронте. Трудно оценить даже приблизительно их количество, которое, несомненно, исчисляется многими сотнями тысяч. Большая часть их разбросана по архивам, где зачастую они недостаточно или неточно описаны и слабо известны исследователям. Нередки случаи, когда одни и те же события военного времени были сфотографированы много раз, однако связи между такими сериями, находящимися в разных архивах, отсутствуют. Отсюда возникают ошибки в идентификации их сюжетов. Они могут вызвать и серьезные последствия, как это произошло в случае с первой версией (1995–1999) выставки «Преступления Вермахта» в Германии. Тогда несколько снимков, первоначально интерпретированных как документы о военных преступлениях Вермахта, оказались свидетельствами расстрелов, совершенных НКВД в момент отступления Красной Армии. Несмотря на крайне незначительное число ошибочно идентифицированных фотографий, оппоненты организаторов выставки, поддержанные некоторыми германскими политиками, смогли вызвать сомнения в серьезности всего проекта; авторы второй версии (2001–2004) в результате исключили из нее большое количество частных снимков³.

Вторая, гораздо более значительная группа любительских фотографий хранилась и хранится в семьях бывших солдат Вермахта. Она стремительно распыляется: после смерти авторов или владельцев их семьи нередко избавляются от снимков, которые в результате попадают в руки профессиональных продавцов коллекционных предметов военного времени. Это чревато катастрофическими последствиями для исторического источника: фотоальбомы и серии часто разделяются на отдельные снимки для продажи поодиночке, теряется информация об их авторе, времени и месте его работы. По образному выражению германского исследователя Бернда Болля, эти любительские фотографии, дошедшие до нас, прошли и продолжают проходить в наши дни через «черную дыру деконтекстуализации»⁴. Более того, многие снимки могут навсегда потеряться для исследователей, уходя в закрытые частные коллекции военных предметов и документов (в том числе принадлежащие лицам, симпатизирующим Третьему рейху).

Именно на эту вторую, наиболее уязвимую категорию снимков нацелен исследовательский проект, которым я занимаюсь с 2005 г. Его задача — **поиск, сбор и подготовка к публикации фотографий, сделанных на оккупированной территории СССР**

¹ Хохлов, 2007.

² Шепелев, 2010 (1, 2, 3); Chepelev, 2010, 2012, 2013 (1, 2); Шепелев, 2016.

³ Heer, 2005; Majerus, 2001; Борозняк, 2014, сс. 238–266.

⁴ Boll, 2003, p. 175.

и находящихся вне архивных фондов и устойчивых коллекций, открытых для историков. Приобретение таких фотографий происходит у продавцов и коллекционеров предметов и документов военного времени, а также потомков бывших солдат Вермахта, главным образом в Германии и Австрии, иногда — во Франции и других странах Западной Европы. В настоящее время собранный мною фонд составляют более 5000 оригиналов фотографий (в виде отдельных снимков, серий и альбомов), подавляющее большинство которых не публиковалось. География этих снимков: Россия, Белоруссия, Украина, Северный Кавказ, Прибалтика и Молдавия. Фонд содержит также около пятисот фотографий, снятых в других странах Восточной и Западной Европы.

Цель проекта — сделать собранные фотографии доступными для исследователей и широкой публики. Снимки из этого фонда неоднократно демонстрировались мною в ходе выступлений на научных семинарах и конференциях во Франции, России, Великобритании, Германии, Бельгии, Израйля, публиковались в научных изданиях. В 2013 г. они были показаны в рамках выставки «Война на Востоке» в университете г. Кан (Нормандия), в 2015 г. — в Российском центре науки и культуры в Париже, в 2016 г. — в Доме русского зарубежья в Москве, в 2017 г. — в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны в Минске, в 2018 г. — в Международном исследовательском центре Второй мировой войны в Мариборе (Словения). В 2016 г. благодаря поддержке Фонда правовой защиты российских соотечественников за рубежом (И. К. Паневкин) и Московского дома соотечественника (В. А. Москвин) вышел в свет каталог выставки в Москве на русском и французском языке, представивший проект и собранный фонд российским и западным исследователям и общественности. Предлагаемое читателю издание, вышедшее при активной поддержке Российского военно-исторического общества и ставшее следующим этапом в развитии проекта, почти в два раза больше по объему, в него вошли более ста сорока фотографий, отражающих события войны на советско-германском / Восточном фронте и оккупации территории СССР, а также более десяти снимков с Западного фронта и из оккупированных Рейхом других стран Европы. Были дополнены вводная статья, комментарии и библиография.

При отборе фотографий для публикации мы старались обратить внимание в первую очередь на пережитое гражданами СССР, оказавшимися на оккупированной территории, останавливаясь более подробно на темах, связанных с главным аспектом войны на Восточном фронте — войной на уничтожение (следует отметить, что вплоть до наших дней издания частных фотографий солдат Вермахта для широкой публики практически полностью обходили эту сторону войны, концентрируясь исключительно на военных операциях и технике и создавая у читателя и зрителя далекую от реальности картину «чистой» войны)¹. Представлены как регулярно встречающиеся на частных фотографиях сюжеты (например, казни или разрушение памятников), так и более редкие (использование гражданских лиц в качестве «живого миноискателя»), но отражающие типичные ситуации военных действий и оккупации. Одновременно нам хотелось показать и то, как солдаты и офицеры Вермахта видели войну, врагов, население оккупированной страны и различные способы взаимодействия с местными жителями и советскими пленными.

¹ См., напр.: Seidler, 2011.

Представляемая вашему вниманию книга состоит из семи тематических разделов. Мы постарались расположить разделы и снимки внутри них в хронологическом порядке (насколько это возможно, учитывая, что точная датировка многих фотографий затруднена). В некоторых случаях мы отдаем предпочтение не хронологии, а возможности сопоставить сходные сюжеты с разными датами. Мы не ставили задачу воссоздания типичного фотоальбома солдата-оккупанта (обычно они организованы в хронологическом порядке; концентрация «сильных» снимков в них, как правило, значительно меньше, гораздо больше фотографий посвящено жизни самого солдата и его воинской части).

Перед нами непростой в работе исторический источник. Некоторые снимки локализованы благодаря надписи на обороте, другие — с помощью поиска по деталям снимка, в частности по архитектурным сооружениям (18, 54, 65). Сюжеты нескольких фотографий (уничтожение деревень (49–51), казнь (56), сцена избиения евреев (43)) позволяют предположить с большой долей вероятности, что они сделаны на оккупированной территории СССР, но их окончательная локализация и интерпретация затруднены ввиду неполноты надписей и утраты «окружения» (это отдельные фотографии, не входящие в сохранившиеся серии или альбомы). За пределами советской территории могли быть сделаны некоторые фотографии советских военнопленных (32–34, 37 и др.), позиционной войны (101–103) — и вряд ли нам удастся точно локализовать их. Пожалуй, мы не ошибемся, сказав, что это распространенная ситуация, и исследование частных военных фотографий часто заставляет историка ощутить пределы своих возможностей¹.

Ввиду отсутствия четкой аннотации, сделанной автором снимка (очень частое явление), многие сюжеты не могут быть однозначно датированы, локализованы, поняты в настоящий момент — что не говорит об их «безнадежности». Выходом из тупика может стать именно публикация изучаемых «трудных» фотографий, делающая их доступными широкому кругу исследователей и читателей. Она может сдвинуть их интерпретацию с мертвой точки разными способами. Так, если событие было снято несколькими фотографами или если снимки были сделаны в нескольких экземплярах, снимок, вызывающий затруднения в интерпретации, может присутствовать в другой коллекции в составе серии/альбома и содержать аннотацию автора или владельца².

Сюжет может быть уточнен и на основании его собственных деталей. Здесь пригодится помощь историков и краеведов, архивистов и этнографов, а также специалистов в области военной истории. На фотографии 43 такой ключевой деталью является часть здания, в других случаях — одежда действующих лиц (как местных, так и солдат) и даже пейзаж. В качестве примера можно привести недавнюю публикацию о работе российских краеведов над немецкими фотографиями расстрела советских военнопленных под Мурманском. Место события было опознано по скале на фотографии. Поисковики в ходе раскопок возле нее обнаружили могилу двух солдат, имя одного из них было установлено по найденному личному медальону³. Не следует забывать и о возможности уточнения происходящего на снимке через опознание изображенных лиц — это могут сделать как

¹ Struk, 2005, pp. 3–15; Rossino, 1999, p. 314.

² Levin, Uziel, 1998, pp. 270–271; Bopp, 2009, pp. 101–107.

³ Волкова, 2016.

историки и краеведы, так и свидетели событий или их потомки (опираясь, например, на фотографию предка в семейном альбоме). В качестве примера такой работы можно привести идентификацию Маши Брускиной на уже упоминавшейся выше известной серии снимков казни минских подпольщиков¹. Есть примеры идентификации и лиц, действовавших на стороне оккупантов: так, некоторые участники погромов во Львове в конце июня — начале июля 1941 г. были установлены путем сопоставления любительских снимков, на которых они оказались, с документами служащих местной полиции, созданной в те дни². В ходе выставки «Преступления Вермахта» в Германии также были случаи опознания посетителями родственников — военнослужащих армии Третьего рейха на экспонировавшихся photographиях³. Несомненно, веское слово могут сказать в таких случаях и компьютерные программы по распознаванию лиц.

Авторство фотографий часто трудно или невозможно установить, особенно в случае разрозненных снимков; имена авторов практически всех публикуемых в этом издании фотографий нам неизвестны. Подавляющее большинство фотографий до того, как они оказались в нашем собрании, находились на территории бывшего Третьего рейха. **Послевоенная история** многих из них неясна: до момента приобретения (в 2000–2010-х гг.) они могли пройти через руки нескольких владельцев, что способствовало стиранию информации об авторе и предыдущих хозяевах (часто это соответствует воле семьи бывшего солдата, не желающей быть связанной с «неудобной» памятью предка)⁴. Однако, исходя из содержания снимков и статистических соображений, мы можем с уверенностью полагать, что большинство фотографий сделаны военнослужащими Вермахта. В некоторых случаях нельзя исключать возможного авторства служащих других формирований и организаций (так, автор фотографии 56 мог служить в военно-инженерной Организации Тодта). Очень немногие снимки из нашего фонда отражают действия формирований СС или позволяют предположить, что их автор служил в них: возможно, они меньше сохранились в семейных собраниях из-за признания СС преступной организацией на Нюрнбергском процессе и ее соответствующей репутации в послевоенном германском обществе⁵.

Ключевое значение для понимания фотографии имеет **надпись** на ней, но она должна анализироваться с осторожностью. Следует помнить, что ее нередко делали спустя значительное время после фотографирования, и это может вызвать ошибки в определении места и времени события уже у самого фотографа или владельца снимка (фотография 18). Содержание снятой сцены или ее деталей также порою неправильно понято автором; нам уже доводилось приводить примеры таких фотографий из нашего фонда⁶. Снимок и надпись могут быть сделаны разными людьми (фотографии часто печатались в нескольких экземплярах для товарищей, солдаты обменивались ими и продавали друг другу). Наконец, важно помнить, что если на некоторых аннотациях имеет нейтральный, документальный характер (и соответствует изображению), то на многих снимках, напротив, коммента-

¹ Тес, Weiss, 1999; Басин, 2007.

² Rossoliński-Liebe, 2014, pp. 201–203.

³ Борозняк, 2014, с. 256.

⁴ Boll, 2003, p. 176.

⁵ Boll, 2003, p. 176.

⁶ Шепелев, 2010 (3), с. 439.

рий автора или владельца преследует цель их «идеологически правильного» видения зрителем. Так, в надписях может подчеркиваться участие арестованных или казненных в партизанском движении, в то время как сам снимок четких подтверждений этому не дает (фотографии 52, 53, 56, 57, 58)¹.

Датировка и локализация снятого события в случае отсутствия надписи на фотографии могут быть сделаны на основе географических и этнографических, архитектурных деталей снимка. Восстановление **контекста снятого события** проводится также через анализ серии, фотоальбома (если снимок сохранился в их составе). Так, общий характер альбома из нашего собрания, где многие снимки отклоняются от идеологически «правильного» визуального ряда², может говорить в пользу интерпретации фотографии 81, входящей в него, как свидетельства дружеских отношений солдата с местными жителями. **Эмоции** персонажей снимка нередко являются одним из «ключей» к его интерпретации (66, 81, 91 и др.), но не следует забывать о том, что съемку ведут представители оккупационных сил, что может, например, приводить к «самоцензуре» в выражении эмоций местными жителями. При интерпретации события, отраженного на снимке, в некоторых случаях можно опереться на другие источники с обеих сторон фронта: воспоминания и письма³ (фотографии 42, 74 и др.), документы военных и гражданских властей (фотографии 28, 52 и др.), официальную кино- и фотохронику и т. д. Оказывается продуктивным метод выделения типичных, повторяющихся ситуаций. В этом случае идентификация сюжета одной фотографии может помочь в интерпретации других снимков, изображающих сходные события.

Опыт показывает, что может быть результативным использование фотографий вместе со сбором воспоминаний о немецкой оккупации на местах и привлечением местных жителей — свидетелей оккупации. Показ фотографий часто срабатывает как «катализатор», вызывая воспоминания о других снимках или актах фотографирования. Так, во время записи воспоминаний женщины, ребенком пережившей депортацию и лагерь, я попросил ее рассмотреть несколько фотографий, сделанных оккупантами в ее деревне. Возможно, из-за их плохого качества свидетель смогла узнать только некоторые дома, но не местных жителей, однако снимки напомнили ей эпизод из пребывания в лагере (Рославль, Смоленская область), о котором она до этого не упоминала: на заключенных, содержащихся в тяжелых условиях, приходили посмотреть в качестве развлечения немецкие военнослужащие и фотографировали их «на память»⁴.

Нередко исследователи воспринимают фотоснимок как обладающий (в силу своей «природы») высокой степенью объективности⁵ (в то время как, например, кажется более очевидным, что воспоминания о войне могут при записи и публикации подвергнуться редактированию автором и издателем). Однако реальная ситуация сложнее. Снимки, которые дошли до нас, — не только отражение события, но и **результат работы их авторов по созданию фотоизображения**. Они выбирают сюжет, угол зрения, иногда занимаются настоящей постановкой снимаемой ситуации. Отбор снимков происходит затем на этапе

¹ Ср. фотографии в: Shepherd, 2004, pp. 130–131.

² Chepelev, 2010, pp. 147–154.

³ Подробнее о сопоставлении снимков с устными источниками см. Шепелев, 2010 (1, 2).

⁴ Chepelev, 2013 (1), p. 199.

⁵ Majerus, 2001.

выбора негативов для печати и фотографий для хранения в домашнем альбоме. Очевидно, что весь этот процесс несет на себе — осознанно или нет — отпечаток мировоззрения автора и господствующей идеологии, которой он в той или иной степени подчиняется, а иногда сопротивляется. Необходимым этапом изучения снимка поэтому является реконструкция процесса его создания, попытка понять язык фотографа, установить, каким моделям он следует, с какой целью сделал фотографию, что и кому хотел сказать с ее помощью, каково его отношение к наблюдаемым событиям и степень участия в них¹.

К сожалению, изучаемые снимки не всегда позволяют дать четкие ответы на все поставленные вопросы. Нередко у нас не получается предложить однозначное прочтение **замысла их авторов**. Многие созданные ими образы могут обретать даже разные, противоположные смыслы. Французская исследовательница Клэр Аслангуль не так давно продемонстрировала, как творчество даже известного художника эпохи нацизма реинтерпретируется им самим и публикой, меняя свой «знак» на противоположный в зависимости от политической конъюнктуры эпохи². Тем более следует задавать этот вопрос при работе с частными фотографиями, которые нередко (как большинство снимков из нашего фонда) являются единственным нашим источником информации об их авторе. Часто — особенно в случае с одиночными снимками — мы остаемся перед лицом ряда более или менее вероятных гипотез. Во многих случаях, вероятно, и сам автор фотографии мог не иметь однозначного, четкого взгляда на происходящее.

Сопоставление снимков с близкими сюжетами, сделанных разными фотографами, позволяет заметить, что цели и «послания» их авторов различаются. Так, насилие над гражданским населением и казни в отображении солдат-фотографов могут выглядеть документально, повседневно либо, наоборот, «развлекательно», когда автор снимка и его товарищи получают, по-видимому, удовольствие от демонстрации своего соучастия (фотографии 43, 56), и, наконец, отражать негативное отношение к снимаемому со стороны фотографа (фотография 127). Аналогичные наблюдения о разнообразии ситуаций и их восприятия фотографами, которые раскрываются на снимках сходного на первый взгляд содержания, можно сделать, сопоставляя портретные фотографии советских военнопленных со снимками оккупантов, где они стоят рядом с местными жителями или у разрушенных памятников.

Часто сам акт фотографирования являлся инструментом оккупационной политики, демонстрировал власть оккупантов. Во многих случаях стоит говорить о насильственном или, по меньшей мере, вуайеристском фотографировании: оно происходит в унижительных для мирных жителей или военнопленных ситуациях, в том числе созданных специально для снимка (34, 35, 85). Ситуации принуждения скрываются и за снимками, которые кажутся «мирными». Так, оккупанты могут появляться на них за раздачей еды местным жителям или военнопленным. Но нельзя забывать, что это и традиционный «самооправдательный» аргумент солдата оккупационной армии (мы легко найдем его в изобразительном ряду едва ли не всех военных конфликтов XX века — от Первой мировой войны и до последних лет), и свидетельство катастрофического для жителей подчинения

¹ Levin, Uziel, 1998.

² Aslangul, 2008; см. также: Loewy, 1997, pp. 106–109.

местной экономической системы целям оккупантов¹, и демонстрация зависимости, навязываемой оккупантами, хотя в некоторых случаях мы можем предположить искренний дружеский жест солдата.

Многие фотографии, по-видимому, были сделаны для «документальной» фиксации исторических событий или пережитого. В ряде случаев сам автор, возможно, не в состоянии однозначно оценить их и оставляет «на потом» для понимания/обдумывания или хранения (некоторые из них так и останутся на чердаках в конвертах и коробках с надписями типа «Не открывать» или «Ужасные фотографии»)². Отсутствие надписей на снимках или их «широкое» или нейтральное название, вероятно, в некоторых случаях соответствует такому восприятию снимаемых событий.

В собранном нами фонде встречаются и фотографии, выражающие (как правило, в завуалированной форме) **несогласие их авторов с происходящим** или, по крайней мере, не соответствующие идеологическому канону военной фотографии (фотографии 97, 109 и др.)³. Такой взгляд некоторых солдат-фотографов Вермахта на события войны, противника и мирное население оккупированных стран уже отмечался исследователями частных военных фотографий. В качестве примера можно привести работы Джо Хайдеккера, фотографировавшего Варшавское гетто, и Асмуса Реммера, снимавшего крестьян в окрестностях Калуги⁴ (следует, впрочем, отметить, что интерпретация их фотографий основывается в значительной мере на комментариях самих авторов). Хотя такие снимки занимают незначительное место в нашем фонде (фотографии, соответствующие тезисам нацистской пропаганды, гораздо более распространены в нем), они позволяют поставить вопрос о границах воздействия нацистской идеологии на ее «маленького солдата», о свободе выбора им поведения или взгляда. Представляется возможным сопоставление таких фотографий со свидетельствами очевидцев оккупации о «хороших немцах» (выражение свидетелей), бывших в явном меньшинстве, дружелюбно настроенных к местным жителям и не поддерживавших нацистскую военную политику⁵.

Важный аспект многих фотографий, сделанных солдатами Вермахта, — то, что они **полемичны**. Некоторые из них продолжают дебаты, разворачивавшиеся в предвоенной Германии между сторонниками СССР и его противниками, и обличают «советский рай»⁶. Менее заметна полемика с нацистской идеологией и официальной фотографией (очевидно, что в условиях военной цензуры и политического контроля она принимает менее откровенные формы). Следует отметить и то, что согласно или вопреки воле фотографа на снимке или в сопровождающей его надписи мы можем иногда увидеть **диалог** (часто конфликтный) автора с персонажами снимка, «прочитать» их «послания». О многом говорят напряженные позы и выражения лиц снимаемых крестьян (66), мрачные лица мальчиков у дорожного указателя (85), взгляд на фотографа неизвестного местного жителя на смоленском рынке (91), надпись на табличке у привязанного к столбу «неподчинившегося»

¹ См. на эту тему: Baechler, 2012, pp. 275–302.

² Boll, 2003, p. 175.

³ Chepelev, 2012.

⁴ Heydecker, 1986; Remmer, Brunkert, 1986; Шепелев, 2010 (1), с. 331.

⁵ Шепелев, 2010 (1), сс. 334–336; Chepelev, 2012, pp. 166–178.

⁶ Шепелев, 2010 (1), с. 330; ср. Manoschek, 2007.

в Ялте (90) и, как мы можем предполагать, решение советского летчика таранить колонну грузовиков Вермахта под Смоленском (фотография 106).

Для понимания частных снимков солдат и офицеров Вермахта важно также представить, какие сюжеты не были засняты, какие фотографии не сохранились или были уничтожены авторами или членами их семей после войны. Этому помогает сопоставление с воспоминаниями очевидцев, переживших оккупацию, а также с документами с советской стороны (в частности, с материалами комиссий по расследованию преступлений оккупантов)¹. Очевидно желание фотографов-солдат представить оккупацию более «чистой», нежели она была на самом деле. Так, мы редко видим массовое уничтожение мирного населения, неприкрытое насилие против женщин и детей, грабеж оккупантами местных жителей.

По воспоминаниям советских очевидцев начала войны, немецкая авиация бомбила колонны и поезда беженцев, уходившие в тыл. Некоторые советские фотографы сняли такие ситуации (в их числе Михаил Трахман²), однако среди фотографий, сделанных немецкими солдатами летом — осенью 1941 г., очень редко встречаются снимки мирных жителей, погибших в результате авианалетов, в то время как разбомбленные советские военные грузовики и погибших при бомбежке красноармейцев оккупанты снимали довольно охотно³. Многочисленны лакуны в сериях, отображающих «акции» против деревень партизанских зон: мы видим горящие дома и целые деревни, но за кадром, как правило, остается судьба их жителей. Наконец, достаточно редки снимки поражений Вермахта.

Мы уже упомянули о сомнениях относительно источниковедческой ценности частных фотографий солдат Вермахта, высказываемых некоторыми историками. Приходится встречаться и с похожим подходом к сбору и хранению этих источников. Так, сотрудник краеведческого музея одного российского областного центра рассказал мне, что из поступивших в послевоенное время трофейных фотографий в фонде музея были сохранены главным образом те, которые отражали события из жизни города (большинство остальных, показывавших «неместные» или «обыденные» ситуации, музей решил не хранить, сочтя «непрофильными», и списал). Подобный подход, на наш взгляд, неправилен. События на оккупированной территории снимались разными солдатами; серии и снимки, оказавшиеся в разных коллекциях и фондах, могут взаимно дополнять друг друга; сюжеты, не замеченные или не понятые одним исследователем, могут быть «прочитаны» другим. Через несколько лет историки будут задавать новые вопросы этим источникам, поэтому сегодня к «селекции» снимков и тем более к принятию решения об их списании надо подходить крайне осторожно.

В этой связи будет уместно еще раз подчеркнуть, что рассматриваемые снимки являются весьма **обширным по набору сюжетов источником**, позволяющим открыть **новые перспективы в исследовании войны и оккупации**.

Прежде всего, это массовый источник, помогающий проследить реализацию стратегии нацистской оккупационной и истребительной политики, отображающий ее

¹ Об этих источниках см.: Sorokina, 2005; Moine, 2008.

² Blank, 2002, p. 38. См. также: Симонов, 2005, сс. 201–202.

³ См., напр.: Кулагина, Миронихина, Шепелев, 2010, вкладка 5; Ворр, 2009, p. 130.

функционирование изнутри и на микроуровне (военные преступления, карательные акции, даже самые небольшие); идентифицировать их участников и их роль в событиях. Любительские фотографии часто показывают события в ином ракурсе, нежели пропаганда и фотожурналистика Третьего рейха или воспоминания его солдат: частные снимки нередко более откровенны в показе преступлений, демонстрируя действия и реакции солдат в момент их совершения. Рассматриваемые фотографии позволяют с новой стороны увидеть нацистскую пропаганду на Восточном фронте, ее восприятие и развитие солдатами; поставить вопрос о влиянии образов и опыта предыдущих войн на мировосприятие солдат Третьего рейха (в первую очередь открывается возможность сопоставления с визуальным рядом Первой мировой войны).

Это часто уникальные свидетельства о судьбе жертв нацистского режима, их сопротивлении и гибели в ситуациях, многие из которых скупо освещены в других источниках или даже не представлены в них; снимки могут быть использованы для идентификации погибших или пропавших без вести советских мирных жителей, военнопленных, партизан.

Любительские фотографии позволяют увидеть события войны и оккупации даже в самых маленьких и отдаленных населенных пунктах (в собранном нами фонде представлены несколько сотен городов и деревень, в том числе с населением всего в несколько десятков человек), увидеть повседневную жизнь рядовых сельских и городских жителей в условиях оккупации. При передаче копий найденных фотографий в российские, белорусские и украинские краеведческие музеи мне не раз доводилось узнавать, что это первые и пока единственные снимки населенного пункта во время войны. Они представляют несомненный интерес для микроисторических и краеведческих исследований, для мемориальной работы, могут позволить по-новому показать в рамках экспозиций местных музеев события войны и оккупации, приблизив их к местному зрителю. Одновременно благодаря этим снимкам мы лучше видим локальные варианты оккупационной политики: содержание и тональность фотографий могут меняться в соответствии с «расовой» классификацией населения и его позицией в отношении оккупационного режима (сопротивление, нейтралитет, сотрудничество, сосуществование и т. д.).

Снимки, сделанные солдатами и офицерами Вермахта, в некоторой степени помогают и заполнить лакуны в советской военной фотографии. Здесь надо напомнить, что объем любительских фотографий на фронте с советской стороны невелик, а фотокорреспонденты из-за цензуры, самоцензуры и складывавшейся обстановки почти не снимали некоторые события Отечественной войны (в их числе, например, поражения Красной Армии в начальный период войны)¹.

Круг тем, представленных на фотографиях собранного нами фонда, очень широк.

Перечислим некоторые из них и возможные направления исследований на основе собранных снимков:

— репрессивная и истребительная политика оккупационного режима. Казни (более двухсот фотографий): расстрелы, повешения — публичные и «частные», карательные акции в населенных пунктах, снимки уничтожаемых деревень, солдат на их фоне. Несколько

¹ Стигнеев, 2007, сс. 159–161; Симонов, 2005, сс. 225–226; Шепелев, 2010 (1), с. 328.

снимков нашей коллекции демонстрируют использование мирных жителей и военнопленных в качестве «живого миноискателя» или «живого щита» (фотографии 40, 95);

— Холокост (около ста пятидесяти фотографий). Эти снимки часто выделяются даже на общем фоне довольно откровенного изображения ситуаций насилия во время оккупации;

— советские военнопленные и арестованные мирные жители (около тысячи снимков в нашем собрании). Селекция пленных: отбор евреев, «комиссаров», солдат «восточного» происхождения, женщин-военнослужащих; места принудительного содержания военнопленных и мирных лиц — лагеря и условия содержания в них (размещение пленных под открытым небом во временных лагерях, голод); пропагандистские акции представителей коллаборационистских формирований по вербовке военнопленных; организованные ситуации унижения и подавления возможных попыток сопротивления заключенных, физические наказания с целью сломить сопротивление;

— условия жизни на оккупированной территории. Голод, болезни, высокая смертность (распространенный сюжет: дети и женщины, ищущие или просящие еду). Эксплуатация мирного населения и военнопленных: мирные жители и военнопленные, используемые на принудительных работах (ремонт дорог, погрузка, строительство и т. д.);

— отношения оккупантов с местным населением: акты пассивного и активного сопротивления и неповиновения; мирное (или кажущееся таковым) сосуществование; пропагандистские акции в отношении местного населения и коллаборационизм; депортации. Реквизиции и грабежи, которым подвергается местное население;

— местная цивилизация и взгляд фотографов на нее — от откровенно враждебного наблюдения и запечатления результатов уничтожения местной культуры до нейтрального, «туристического» и «этнографического» восприятия и даже некоторой интеграции в местные обычаи. Ситуации коммуникации, участия оккупантов в жизни местного населения;

— «пейзаж» войны и оккупации: сгоревшие дома и населенные пункты; разгромленные советские памятники; размещенные в ключевых местах населенных пунктов виселицы; пропагандистские плакаты и распоряжения немецкой администрации; сгоревшая военная техника и т. д.;

— фотографии военных действий: тактика, поведение солдат в боевой обстановке, военная техника и ее использование, моральное состояние войск. Бои с частями Красной Армии, партизанами; потери; снимки убитых и пленных противников;

— повседневная жизнь воинской части и солдата оккупационной армии (часто это главная тема фотографа): из огромного количества сюжетов на эту тему мы сочли необходимым показать в том числе несколько снимков, демонстрирующих войну как приятное времяпрепровождение и туристическое путешествие (59–64). Это весьма распространенные сюжеты, помогающие лучше понять разрыв между исторической памятью оккупированных и оккупантов и одновременно приблизиться к пониманию военного опыта солдата Вермахта, сочетавшего в своей повседневной жизни «работу», «отдых», «праздник» — и участие в уничтожении врагов, как военных, так и гражданских.

Наконец, отдельным направлением исследования может стать сопоставление видения солдатами-фотографами Вермахта военных действий на других фронтах и оккупации европейских стран — с заснятым ими наступлением на СССР и оккупационной политикой Рейха на его территории.

Представляемый в этой книге исследовательский проект видится нам как часть широкого общественного диалога о памяти о войне. Надеюсь, что он позволит людям послевоенных поколений приблизиться к опыту рядовых участников, жертв, свидетелей войны и оккупации, задуматься о том, что в те годы происходило с членами их семей, соседями, земляками. Нам очень хотелось бы, чтобы публикуемая книга послужила активизации семейной памяти о событиях, происходивших в упомянутых нами населенных пунктах, о ситуациях, схожих с теми, которые запечатлены на фотографиях. Очень хотелось бы, чтобы безымянные герои и жертвы войны и оккупации, фотографии которых мы публикуем, были узнаны, и чтобы их лица и имена нашли заслуженное место в местных музеях и общественной памяти.

Приближенность частных фотографий к рядовым действующим лицам событий позволяет рассматривать «маленьких людей» не как безликую массу, но как личностей, делающих выбор и действующих в соответствии со своими убеждениями и жизненной позицией. Это касается как участников войны с советской стороны и гражданских жителей, так и солдат и офицеров Вермахта. Документы советских комиссий по расследованию преступлений оккупантов подчеркивают имена военных преступников; в воспоминаниях местных жителей, особенно записанных в наши дни, наряду с именами убийц и палачей встречаются и описания немногих «хороших немцев», помогавших выжить и спастись от карательных мер оккупационной администрации. Изучение частных фотографий солдат и офицеров, как и их воспоминаний и писем, также позволяет разглядеть в массе оккупантов тех, кто активно реализовывал политику государства, опираясь на нацистскую пропаганду и более давнюю и глубокую ксенофобию и расизм; тех, кто пассивно следовал за ситуацией, служа в Вермахте, и «присутствовал», не вмешиваясь, и, наконец, тех (немногих, судя по материалам нашего фонда), кто не был согласен с происходившим и выражал это. Учитывая, что большая часть фотографий до сих пор хранится в семьях бывших ветеранов Вермахта, «личный» подход открывает новую перспективу для диалога между новыми поколениями обществ стран — участниц Второй мировой войны — диалога, необходимость которого ощущается многими, но который до сих пор еще очень и очень ограничен. Диалога, задача которого — не только показать соседям по Европе реалии войны на уничтожение и ответственность Вермахта за военные преступления нацистского режима, но и личную ответственность его солдат. Думаю, что увидеть лица и попытаться восстановить имена тех по «ту» сторону фронта, кто выразил свое несогласие с нацизмом и войной, особенно ценно в наше время, когда Европа рискует сползти в новую «холодную войну». Совместная работа над этими образами и историями может и должна стать еще одним человеческим «мостиком» между обществами наших стран.

Публикуемые фотографии военного времени заставляют нас задуматься и над тем, как современные общества закрывают глаза на «страшные» образы — переводя их в разряд «неполиткорректных», «неудобных» и переставая публиковать. Помню, как, еще будучи студентом, я рассматривал в каталоге германской выставки «Война против СССР» фотографию погибших советских солдат, осознавая, что это, вероятно, первый увиденный мною снимок убитых красноармейцев на поле боя — не торжественные похороны героя, не памятник на могиле, а обычные солдаты, погибшие и даже не похороненные из-за того,

что оставшимся в живых товарищам пришлось отступить¹. Трудным сюжетом для публикации могут являться казни мирных жителей оккупантами — свидетельства преступления для современного зрителя, но в глазах их авторов — символические образы «победы» оккупантов над «врагом», «справедливого нового порядка», «справедливого наказания за сопротивление». Помню реплику российского дипломата старшего поколения, впервые увидевшего такие фотографии и однозначно высказавшегося против их публикации («это же победа фашистов»). Доводилось ли вам видеть фотографии разорванных взрывами тел, снимки умирающих на глазах фотографа раненых, тела убитых солдат, брошенных на дорогах, по которым едут танки и грузовики наступающего противника, смешивая их с грязью? Мы находим такие сюжеты в солдатских воспоминаниях с обеих сторон фронта, но не в публикациях фотографий военного времени. Однако такие снимки существуют, в том числе и в нашем фонде. Граница между «принятым» или «возможным для публикации» и «непринятым», «слишком тяжелым», «шокирующим» здесь ощутима, хотя и расплывчата. Но если мы не видим эти фотографии, если не показываем их, не знаем об их существовании — насколько адекватно наше представление о войне, представление гражданских людей XXI века? И нет ли связи между тем, что образы предыдущих войн остаются в наших глазах и памяти значительно более «чистыми» и «презентабельными», чем тяжелая реальность, и тем, что война опять и опять возвращается в нашу жизнь? Тем, что современные дети и подростки снова играют в «войнушку» — только теперь компьютерную, технологичную и увлекательную, — а потом возвращаются в гробах с очередной войны? Надеюсь, что публикуемые фотографии заставят нас задуматься и над этими открытыми вопросами.

При подготовке этого альбома частные фотографии военнослужащих Вермахта интересовали нас не только как исторический источник. Нельзя не упомянуть и об их **художественной стороне**. Многие из них сделаны качественно: удачно выбран сюжет, интересно выстроена перспектива, продуманы освещение и композиция. Исследователи частных фотографий солдат Вермахта угадывают за ними знакомство их авторов с методами работы или произведениями современных им фотографов-профессионалов². Многие солдаты-фотографы стремились создать сильные, впечатляющие образы, поднимающиеся над уровнем обычного события, придавая им символическое звучание и красивую форму, — и нередко это им удавалось. Однако идеи авторов далеко не всегда столь же «красивы». Это может выводить из равновесия современного зрителя и исследователя: может ли изображение событий войны на уничтожение быть «красивым» — как может «красиво» гореть уничтожаемая солдатами деревня (фотография 51)? Это противоречие позволяет нам лучше понять, какая пропасть отделяет нас от этих фотографий: в наши дни фотоискусство, как правило, несет гуманистический заряд, который мы, может быть, уже не замечаем в силу его «привычности».

В этом контексте взгляд на фотопродукцию солдат и офицеров Вермахта полезен и в качестве предостережения: люди, обладающие познаниями в области искусства и фотографии, читающие, владеющие современной техникой, могут участвовать в массовых

¹ Война Германии против Советского Союза, 1992, с. 66.

² Ворр, 2009, pp.101–105.

ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ СОЛДАТАМИ И ОФИЦЕРАМИ ВЕРМАХТА

убийствах, геноциде, военных преступлениях и/или наблюдать и снимать их «на память». Можно ли считать этот феномен исключительной характеристикой нацистского режима и его военной машины? Многие фотографии, сделанные солдатами Вермахта, логично вписываются в историческую цепочку образов войны, уходящую в прошлое и доходящую до наших дней. Не напоминают ли некоторые из них фотографии пыток в тюрьме Абу-Грейб или снимки и видео, сделанные во время недавних военных конфликтов, в том числе и на территории бывшего СССР? Хотелось бы, чтобы читатель этой книги не воспринимал публикуемые фотографии эпохи Второй мировой войны только как историческое свидетельство, а задумался над тем, что в ослабленном, скрытом или более «политкорректном» виде многие элементы человеконенавистнической идеологии, пережившей свою кульминацию в Третьем рейхе, — ксенофобия, милитаризм, пропаганда расового превосходства, страсть к доминированию, — до сих пор присутствуют в современном обществе.

Разумеется, представляемая публикация отражает лишь некоторые темы собранного фонда фотографий и направления исследований на его основе. Фонд постоянно пополняется. Объем работы, стоящей перед исследователями этих источников, огромен, причем действовать нужно быстро — и осуществляя сбор фотографий, с тем чтобы предотвратить их «распыление» по частным коллекциям и исчезновение из поля зрения историков, и из-за того, что большую часть исследования снимков можно провести только в контакте с очевидцами событий войны, а их становится все меньше и меньше. Поэтому хочу еще раз напомнить о необходимости совместных действий и о том, что проект открыт для сотрудничества со всеми заинтересованными лицами. Автор и исследовательская группа «Россия-Франция: общая память», занимающаяся обработкой и хранением собранного фонда фотографий, будут благодарны вам за отзывы и предложения. Наши координаты: chepelev@hotmail.com, lamemoirecommune@gmail.com

Автор хотел бы поблагодарить за советы и поддержку Александра Лаврова (университет Париж IV), Дельфин Бештель (университет Париж IV), Любовь Миронихину (МГУ), Юлию Эггер (Научно-исследовательский центр «Память», Вена), Фабьенн Оффрэ, Валери Познер (Национальный центр научных исследований, Париж), Арона Шнеера (Яд Вашем, Иерусалим), Леонида Смиловицкого (Тель-Авивский университет), Вивиан Агостини-Уафи (университет г. Кан, Нормандия), Леонида Терушкина (фонд «Холокост», Москва), Фабриса Улеве, Наталию Быстрову и ассоциацию «На Запад!» (Франция), Эрика Лажю, исследовательскую группу «Россия — Франция: общая память» (Париж), сопредседателя движения «Бессмертный полк» Сергея Лапенкова, директора Московского Дома соотечественника В. Д. Москвина, исполнительного директора Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом И. К. Паневкина (Москва), руководителя представительства Россотрудничества во Франции К. М. Волкова, К. А. Пахалюка (РВИО, Москва).

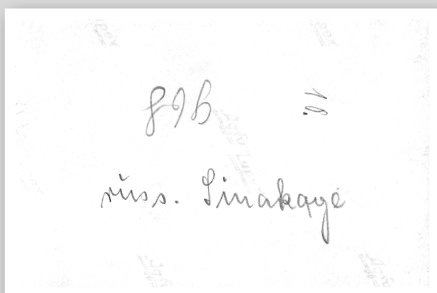
Большое спасибо моим близким и друзьям, без терпеливой и доброй поддержки которых моя работа была бы невозможна, — моим родителям, Елене Константиновне и Анатолию Егоровичу Шепелевым, Эстель Ружо, Алексею Ружо-Шепелеву, Игорю Игнашеву, Лидии Лихоте.

19. Офицер Вермахта
в местной библиотеке

Снимок может быть прочитан как демонстрация легитимности доминирующего отношения оккупанта к местной культуре: он просматривает книги, стоя на тех из них (малоценных? ненужных? неправильных?), которые уже брошены на пол. Среди книг под ногами офицера мы видим учебник русской истории.

22. «Русская синагога»

Говоря о Советском Союзе, нацистская пропаганда активно использовала собирательный образ «иудео-большевизма», управляющего страной¹. Ощущение оккупантами тесного симбиоза «большевиков», евреев и славян вспоминают гражданские жители, наблюдавшие попытки выявить и уничтожить «евреев» среди славянского населения даже отдаленных деревень: так, Мария Малафеева (родилась в 1928 г.) описывает, как оккупанты чуть не расстреляли ее, приняв за еврейку («я одна была рыжая, кудрявая»); дело происходило в деревне под Юхновом (Калужская область)².

Вера Николаенкова, пережившая оккупацию в Смоленской области, вспоминает, как немецкий солдат в первые дни оккупации разорвал найденный портрет Сталина, говоря: «Сталин — еврей»³. Находим мы отзвук похожих «синкретических» идей и на фотографиях. На обороте этого снимка церкви (ее удалось идентифицировать — Свято-Покровский кафедральный собор, Гродно, Белоруссия) написано: «Русская синагога» («Russ[ische] Sinakoge», с двумя орфографическими ошибками во втором слове; не исключено влияние произношения в одном из диалектов немецкого языка).

¹ Heer, 2006, pp. 56–57, 335; Fritz, 1995, pp. 195–200.

² Кулагина, Миронихина, Шепелев, 2010, с. 275.

³ Там же, с. 226.

Тема «красоты» огня, уничтожающего города и деревни, нередко встречается в воспоминаниях солдат и фотографов Вермахта¹. Этот топос доживет до наших дней. Так, мы находим его в одном из эпизодов и в названии фильма югославского режиссера Срджана Драгоевича (1996) «Красивые деревни красиво горят» («Lepa sela lepo gore»), посвященного войне в Югославии в 90-е гг. XX в.

51. «Как здесь все красиво горело»

¹ Fritz, 1995, pp. 149–150; Bopp, 2004, p. 21.

Разрушение экономической инфраструктуры на оккупированной территории и отсутствие большинства мужчин заставляют многих детей искать пропитание, предлагая солдатам оккупационных войск мелкие услуги или прося у них хлеба. Эти вспомогательные «ремесла» освоены главным образом мальчиками (в силу опасности общения с оккупантами), которые группируются вокруг вокзалов. Фотографии маленьких чистильщиков обуви и носильщиков вещей нередки в фотоальбомах солдат и офицеров Вермахта. Подобные снимки недвусмысленно демонстрируют роль «новых господ» — оккупантов. За ними может скрываться и обличие «неправильности» местного общества: вовлечение детей в попрошайничество или в «обслуживание» может восприниматься оккупантами как «местная» черта, а не следствие военных действий. Возможно, с темой доминирования соотносится и деталь одежды мальчика: у него на голове советская пилотка, терпимая оккупантами у детей и практически никогда не встречающаяся на фотографиях у местных гражданских мужчин.

71. Мальчик чистит сапоги солдату Вермахта

Снимок позволяет предположить негативное отношение местного жителя к солдату-фотографу или к фотосъемке (в данном случае, видимо, в бытовой ситуации, на рынке). Снимки такого типа редки: конфликт с представителем оккупационных сил зачастую был чреват тяжелыми последствиями для гражданского лица.

Надпись на снимке: «Смол[енский] рынок».

91. Взгляд